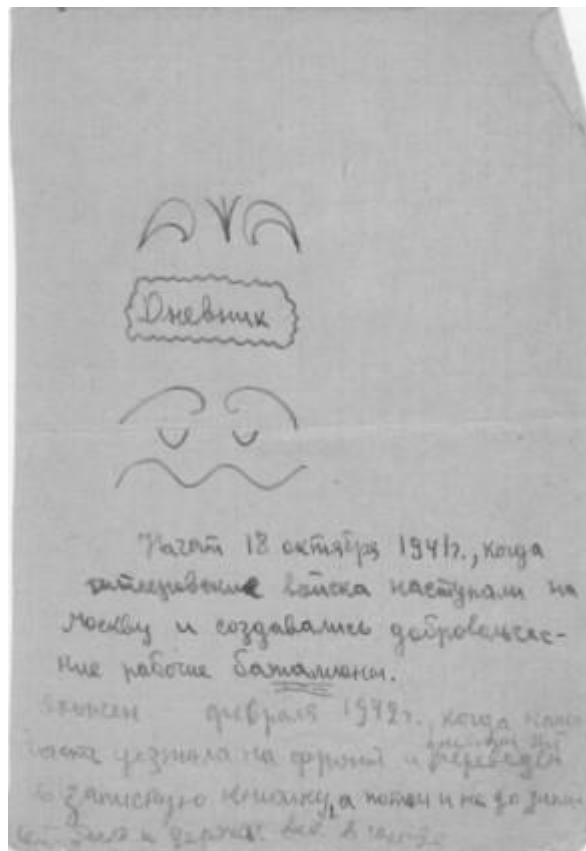

Дневник Бориса Лебедева

Начат 18 октября 1941 г., когда гитлеровские войска наступали на Москву и создавались добровольческие рабочие батальоны.

Окончен 21 февраля 1942 г., когда наша часть уезжала на фронт, и дневник был переведен в записную книжку, а потом и не до записей было, и держал все в голове.

Б. Лебедев¹

Автору дневника в то время было 19 лет.

***

¹ Борис Федорович Лебедев (1922-?) – красноармеец 3-го полка московских рабочих, затем 664-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии, тяжело ранен в обе ноги в бою за д. Ожееды 15.03.1942 г. пулеметным огнем уничтожив минометный расчет противника, в 1943 г. демобилизован по инвалидности, в 1946 г. награжден медалью «За боевые заслуги». После излечения окончил вуз и работал инженером в институте азотной промышленности, затем в Государственном комитете по науке и технике и подразделениях Госплана СССР.

18 октября. Итак, с сегодняшнего дня я стал добровольцем и членом коммунистического батальона Октябрьского района. Теперь я подносчик патронов в пулеметном расчете моего отца². Откровенно говоря, я рад тому, что буду участвовать в обороне Москвы.

Весь вечер провозился с набивкой лент, причем возился-то не я, собственно говоря, а я лишь «поддерживал». Пока все выглядит как лучшая сторона медали, посмотрим, что будет дальше.

19 октября. Сегодня был обычный казарменный³ день, за исключением того, что бегали домой. Отделение наше разрастается. На утренней поверке во взводе оказалось 62 чел. Вот это взвод! Спали на двух кроватях трое: я, отец и Салов. Встал я немного раньше пробуждения, так как боялся не успеть одеться. На завтрак бегали домой. После завтрака объявили, что после занятия идем в баню.

Командир отделения показывал, как собирать и разбирать замок и его части. Потом мылись и обедали. Почитал «50 лет в строю»⁴. Первые главы о семье не особенно занимательны и интересны. Бросил книгу и разбирал замок. Несколько раз пришлось собрать, но не наловчился собирать правильно. Набивали патроны в ленту (вручную – машинка никуда не годится). Разбирали с расчетом пулемет, разборка и сборка его не сложна.

После ужина набивали патроны, а затем ходили слушать комиссара батальона. Положение очень серьезное. Может быть, нам придется действовать в тылу как партизанам.

Обмундирование выдадут на участке (ботинки для 32 завода уже выдали). Я спросил, когда выдадут оружие. Обещали завтра.

После ходили слушать радио. Снова стали добывать ленты, но отложили на завтра и легли спать.

20 октября. Когда мы построились на завтрак, нам объявили, что в 10 час. быть в полной боевой готовности. Дома по этому случаю подняли переполох.

После завтрака спешно добывали ленты, но последнюю добыть не успели. Выстроились в походный порядок, теперь у нас восемь лент. Было довольно тяжело. Я имел такой вид: за спиной огромный рюкзак, за пояс привешена масленка, в руках два патронных ящика.

Построились с шумом и треском, разобрали пулемет и, выйдя на двор, двинулись. Прошли через стадион и остановились в парке. Подносчики патронов отошли в «тыл», а пулеметчики принялись крутить пулемет. Впечатление от первого раза неважное. Половину бы нас перестреляли, если бы были в боевых условиях.

Юрка все время ходит за нами (это братишка 14 лет). Ему очень бы хотелось бы с нами.

Огневая мощь нашей пульроты⁵ большая – 14 пулеметов. В нашем отделении 2 пулемета. Начальник нашего отделения – мой отец.

---

² Федор Иванович Лебедев (1897- ?) – сын рабочего-кочегара, участник Первой Мировой и Гражданской войн, на 1941 год - ответственный исполнитель транспортного цеха завода № 32 (Москва), секретарь парторганизации цеха. В 1942 г. вернулся в свой цех, в 1958 г. ушел на пенсию.

³ Батальон был расквартирован в школе № 211 (современный адрес: Москва, Писцовая ул., 14А).

⁴ Книга мемуаров графа Алексея Алексеевича Игнатьева (1877-1954), генерал-майора царской армии, после революции перешедшего на службу советскому государству.

⁵ Пулеметная рота.

После того как мы пришли в казарму, с нашего отделения вызвали трех человек к начальнику воспитания. Поехал и я. Приехали на склад и получили 30 ящиков – наверное, с патронами – 25,5 кг ящик. Когда приехали в школу, ходил домой обедать, а после занимался перекладкой вещей в рюкзаке, наученный утренним опытом. Занимались заряданием пулемета и положением расчета по команде. Потом ужин и сон.

21 октября. Сегодня я официально стал бойцом. Вечером принимали присягу. Когда была общая присяга, мы с отцом отсутствовали, а потом приняли каждый в отдельности. Я зачитал текст присяги и подписался. Интересное дело, когда отец читал присягу, у меня руки инстинктивно встали по швам.

После завтрака занимались разборкой пулемета по команде «На руки» и прицеливанием пулемета. Вечером опять пулемет.

22-23 октября. Эти два дня были похожи друг на друга. Оба дня наше отделение было дежурное. Перетаскивали различное барахло. 23-го вечером была тревога – уходили в бомбоубежище. Наше отделение не уходило, так как было дежурным. Дни были обычные, казарменные.

24 октября. День был обыкновенный, но вечер второго дня был означен переездом на новое место, вернее, сбором к переезду. Но неожиданно потух свет, и поездку отменили. Объявлена была воздушная тревога. Все уходили в бомбоубежище. Мы не дождались отбоя и вернулись в казарму. Ночью опять была воздушная тревога и опять уходили в бомбоубежище.

25 октября. Утром переселились на новое место в Институт пищевой промышленности⁶. Ближе к фронту. Весь день устраивались, так как 4-ому отделению не досталось кроватей. Ходили искать кровати и матрасы по комнатам студентов. В институте все разбросано, раскидано.

Сегодня ходили на стрельбище, кидали гранаты и зажигательные бутылки. Ерунда эти бутылки, не горят. Вечером ездил домой. Стрельбище находится возле порученного нам рубежа, на Волоколамском шоссе. Как раз там под каналом проходит тоннель, и мы должны защищать выход из тоннеля. Там будем строить ДЗОТ⁷. Вечером тревоги не было, так как была плохая погода.

27 октября. Сегодня с самого утра занятия – утром боевой устав, затем практические занятия на вольном воздухе, штыковой бой.

Вечером наш взвод назначили дежурным. Ходили в парикмахерскую – остриглись наголо. Я был дневальным у входа. Дежурил до 1 час.

28 октября. С утра опять стал у выхода и стоял до 6 час. Это был самый плохой день в казарме. Было 4 тревоги за этот день. Две тревоги я перестоял. В третью лазил в бомбоубежище. Четвертую я не услышал, спал, но пришел Крутиков и погнался. Я там заснул, а затем, не дожидаясь отбоя, ушел.

---

⁶ Московский технологический институт пищевой промышленности (МТИПП). Современный адрес: Москва, Волоколамское ш., 11.

⁷ Деревоземляная огневая точка.

29 октября. Сегодня после завтрака тактическое занятие. Заняли огневую позицию, отрыли точку для пулемета. Я строил себе небольшое укрытие. Пришли командиры и сделали несколько замечаний – недостаточно замаскировался. После был условный отход и отрыв новой точки. Точку сделал хорошо. Я залег за деревом.

Затем меня послали на патронный пункт. Недостаток – побежал сразу во весь рост от точки, чем демаскировался.

Получили обмундирование. Всё, кроме шапок. Теперь уже я настоящий красноармеец; к тому же у меня винтовка, штык, 56 патронов и лопатка. Вечером опять тревога, но от бомбоубежища отвертелся.

30 октября. Утром шел дождь, и физзарядки не было. После завтрака тактическое учение. По дождю и грязи дошагал до места учения, там позанимались по Н.С.О.⁸, посмотрели, как бросают противотанковую гранату и пошли обратно. Все мокрые, грязные.

Вечером приходила мать. Она копает под Москвой рвы.

Сдали все патроны, пустые ленты, гранаты. Отец дал мне гранату, но без запала, а я дурак не мог ее взять.

Смотрели кино «Борьба с вражескими танками»⁹. На картине все здорово получается.

Приходил Крутиков, играл на рояле. Только здесь, по-действительному, ценишь музыку. Готов был слушать ее всю ночь, хотя игрок он неважный.

После ужина хотели построить, но отменили. Тревоги не было по случаю плохой погоды.

31 октября. Дочитал книгу «Золотой теленок»¹⁰. Мировая книжка, но, конечно, слабее «12 стульев»¹¹.

С утра занимались наводкой пулемета и киданием гранат. Прицел я все время сбиваю вправо, наверное, потому что целюсь левым глазом, надо учесть в поправку.

Гранаты кидал я близко, до цели не долетают. По строевой подготовке я тоже не отличаюсь, так что выступление по радио командира батальона и упоминание моей фамилии в рядах передовых я считаю неверным, как, впрочем, и в «Красном воине»¹² о том, что я был в институте отличником.

Утром была торжественная церемония передачи нас полку. Водили, водили, стояли на месте, а всё одни формальности. Выступал начальник штаба полка майор N (это не от того, что военная тайна, а потому, что не знаю его фамилии). Из его слов видно, что мы будем остовом. Говорил, чтобы на пулеметчиков обратили особое внимание. Вызывал несколько командиров отделений, в том числе, и отца. О чем-то с ними говорилось?

Вечером наше отделение пошло в наряд. Я дневал от 6 до 12 ч. Печальный факт. Два раза мне напоминали, что спать на посту нельзя. После поста очень устал.

1 ноября. С утра ходил домой. Там никого не застал, за исключением Юрки. Мать копает под Москвой рубежи. Юрка карточек не получил.

---

⁸ Вероятно, «начальные стрельбы отделения» или «начальное стрелковое обучение».

⁹ Учебный фильм, снятый в 1941 г. режиссером-мультипликатором Владимиром Григорьевичем Сутеевым (1903-1993) на студии «Воентехфильм».

¹⁰ Роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова, опубликованный в 1931 году.

¹¹ Роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова, опубликованный в 1928 году.

¹² Газета Московского военного округа.

С 2 часов опять дневалил. Вечером участвовал в выпуске «Боевого листка» – переписывал заметки, хотя и убеждал, что не умею писать, ничего не помогло. Был доклад, но я не пошел по случаю работы в редколлегии. Дочитал «50 лет в строю». Книга хорошая, только жалко, что Игнатъев ее дальше не написал.

Отец пошел домой. Получил за Юрку карточку.

2 ноября. Ходили утром на стрельбище. Стреляли по 5 патронов. Я очень боялся промахнуться, но попал все 5. Я думаю, это было случайно. Командир роты объявил благодарность. Затем в лесу составляли стрелковую карточку. Вечером все, кто выполнил упражнение, получили благодарность перед строем, в том числе и отец.

17 ноября. Много времени уже прошло с последней записи. Был занят, и просто неохота было писать, так как все время находились в казарме.

Начали делать свою огневую точку. Роем ее около самого дома – за забором. Поставили бетонный колпак, вернее, железобетонный с двумя амбразурами. Обстрел будет под мост, под мостом второе направление чуть-чуть не прямо перед собой. Сбоку стоит блокауз, он будет мешать артиллерийскому обстрелу врага со стороны моста. Трец развернул хозяйственную деятельность и строит широкие планы относительно печки, матрасов и т.д. Навезли лесу, рельс, кирпичей для печки.

Вторая линия будет в доме. Роем ход сообщения. Вечером на собрании было принято решение об окончании всех точек к 14. Второй раз ходили на стрельбище. Задача номер 2... в перебежчиков рассеивающим огнем 15 патронов. Результаты очень плохие. Отец ничего не попал. Я в 2 мишени – тремя пулями. Один Темирбулатов отлично (3 мишени – удовлетворительно, 4 – хорошо, 6 – отлично).

Участились наряды. Почти каждый день где-нибудь дежури́м. Выходим на рубеж: стык Волоколамского и Ленинградского шоссе. Выставили пулемет, двое у него, остальные в землянке. Там печка, тепло.

Ночью в темноте танкетка на полном ходу налетела на надолбу посредине шоссе. Она окрашена в белый цвет и на снегу не заметна. Двое разбились, один отделался легко.

Опять назначили в караул. Все чаще идут разговоры о выходе на рубеж.

16 ноября ходили домой. Пришли обратно – видим, все собираются в поход. Собрался и я, но вышли не после обеда, как предполагалось, а после ужина. На первых километрах хотелось спать. Прошли под каналом. Что если прорвется вода? Все затопит. Так думалось, когда делал первые шаги под каналом. Но это только в первый момент. Если шлюз разрушится, то канал обмелеет. Сначала очень устал.

Отец сумел пристроить сумку на повозку. У д. Павшино он взял мою сумку, а я его «дрючок» (канадскую винтовку). Было очень жарко, так как поверх ватника у меня был тулуп. К часу ночи дошли до места. Спали в караульном помещении вповалку.

Утром разместились в землянке. Приходил политрук роты. Местность, где мы расположились, удобная для высадки десанта. Наша задача – уничтожить мелкие отряды, а в случае приближения крупных сил противника задержать их до подхода наших частей. Мы – представители дивизии. Необходима бдительность.

Четвертое отделение ругают, а огневую точку дали рыть впереди других отделений.

26 ноября. Начали засыпать точку. Уже почти все закончено. Осталось сделать двери, печку, засыпать землей.

24 числа я был в наряде на конюшне. Было холодно. Из отделения нужно было два человека. Отец послал Воронина и меня. Вчера мыл пол в «кухне». Это мое первое «боевое крещение». Вечером чуть-чуть не послали на рубеж.

Сегодня к нам приходил инженер. Зачастил он к нам в гости. Сознался, что у нас хорошо. Точка выходит мировая. А когда сделаем печку, будет еще лучше. Труба загудит как паровоз. Можно над ней руки греть. Мирowo. Может быть, сделаем нары, чтобы спать там.

8 декабря. Ох, как долго не писал. Как много произошло за эти дни. Не дали нам закончить точку – перебросили на другую точку. А оканчивать осталось только на один день. На следующий день помогали второму взводу рыть ходы сообщения. Потом ходили в баню. И только на другой день после бани – начали рыть у себя.

За эти 12 дней раза четыре ходили в наряд. Точку почти закончили. Отца вызвали в штаб полка для использования по специальности. Без него сразу стало тоскливо, все-таки как он для меня много значит. С ним все было, вроде, хорошо.

Нашу новую точку замаскирует снегом. Она будет хороша. Она двухамбразурная: в лесу на бугорке. Немец обойдет нас вот и все. Расположены мы отдельно от взвода. Ни с кем не связаны. Они отойдут, а мы и не успеем. Фронт очень близко от нас.

9 декабря. Сегодня с утра занимались военной подготовкой и только с обеда пошли доделывать точку. Нам осталось оборудовать в ней дополнительную амбразуру. Грели землю. Развели костер. Жар был такой, что все повыскакивали. Вытащили гранаты и все оборудование. Сверху пошел дождь. Со всех щелей копать.

Разговаривали с разведчиками, которые приходили пробовать трофей – ручной пулемет. Он отказал. По их разговорам, что-то не понятно. То ли они на фронте не были, то ли что-то путают нарочно.

Фронт от нас 18-20 км. Орудийная стрельба вчера была очень слышна, а также слышен и пулемет «Максим». Во втором взводе уже без боев три жертвы. Одному прострелили ногу, два других пострадали от противотанковой гранаты.

Через Ручкина мне передали из дома очки – теперь все в порядке.

10 декабря. Оканчивали сегодня вторую амбразуру; сделали стол. Осталось сделать самое малое. Приходил политрук с немецким автоматом. Мировая штука. Легкая и удобная. Немцев гонят с нашего направления и повсюду. Он сказал, чтобы больше занимались стрелковой подготовкой. По всей вероятности, пойдем вперед. Немцев надо гнать.

19 декабря. Ну, вот мы и снова в Москве. Но этому предшествовало много событий.

11 декабря ходили в баню, а из бани опять в караул. В связи с наступлением наших частей зенитки опять стали передвигаться вперед, и они пришли нас выживать.

15 декабря мы отправились с утра в поход. Воронин послал меня с обозом. Вещички я положил на воз и бодро зашагал навстречу судьбе. Очень устал под конец, хотя напоследок даже подъехал немного. Остановились в дер. Анисимовка – возле Химкинского речного вокзала. Расположились в избах. Говорят об отправке дальше в поселок Ховрино.

17 декабря отправились туда в полной боевой выкладке. Прошагали километра три, дошли до места, а потом повернули и вошли в штаб батальона – километра 2 назад. Неужели сразу нельзя было там остановиться и дожидаться других взводов, чем тащиться

туда и обратно. До прихода начальства гоняли на строевые занятия. Потом пришел кто-то, провели пятиминутную проверку всех по списку.

Вчера оборудовали комнату – расположили нас в чьей-то даче. Я остался один, так как Салов уехал, Гилис и Рыльский делали нары. Командир отослал меня к Чернышеву.

Были занятия. Я по «задержке» не на последнем месте, а то, глядишь, и на втором после Качука. Сегодня ходили стрелять. Задача: за 100 метров 3 патрона. Я не попал ни одной пулей. Вечером для прибывших с фронта был концерт. Выступал ансамбль. Смотреть можно.

Салов был у меня дома. Все в порядке за исключением отца – он уже 10 дней лежит в лазарете. Юра работает. Салов привез мне посылку – земляные орехи, белый хлеб, масло, конфеты. Керосин и спички в Москве по карточкам. Нужно поскорее отпроситься и навестить отца.

Встретился с одним гвардейцем. Он сказал, что немцев гонят назад. «Марья Петровна»¹³ пугает не только немцев, – говорит он. – Сам убежишь на пять километров. 16 зарядов сразу выпускает. Снаряд поражает вокруг себя на 250 квадр. метров.

4 февраля. Это прошедшее время в книге было бы озаглавлено: Боевая учеба.

Ежедневные занятия вплоть до 21 января. Часто тактические учения взводные, ротные, батальонные. Как-то заговорили о полковых или дивизионных маневрах. Все было приготовлено, ждали сигнала. Но неожиданно маневры отменили. В тот же день отобрали польские винтовки и на следующий день выдали русские трехлинейки всем, кроме первых номеров. Стрелкам также заменили ручные пулеметы на дегтяревские, а некоторым выдали автоматические оружие.

Пошли разговоры об отправке на фронт. Была тревога, но оказалось учебной. С того дня и до сих пор мы сидим «на чемоданах». Говорят, что поедем на Калинин или на Ленинград. Некоторые части нашей дивизии уже отправлены, и мы ожидаем своей очереди. Некоторые идут на комиссию, добиваясь освобождения, я так не сделаю, хотя мне достаточно только заявить.

10 февраля 1942 года. В 16 ч. 50 мин. Эшелон медленно дернулся и пополз от Москвы. Наша часть поехала на фронт. Наступил давно ожидаемый момент. Маршрут примерно был известен железнодорожникам, а через них и всем остальным. Ребята открыли двери, прощались с Москвой. И так, второй раз – до свидания, Москва. Первый раз благополучно прибыл обратно. Как-то будет во второй?

Доехали до Бескудникова и остановились. Железнодорожники предсказывали здесь долгую остановку, но через некоторое время поезд поехал. Следующая остановка была в Марк, но и здесь стояли недолго. Мы пошли в наряд у пулемета. Ночью тронулись и поехали обратно до Окружной дороги.

Утром проснулись на ст. Ховрино. Дальше поехали по Октябрьской ж/д. Со станции Крюково начались места, где побывали немцы. Взорван мост, станция, разрушен кирпичный завод. Немцы побыли здесь 10 дней.

Живем мы тесно. В вагоне 48 человек. Настроение у всех хорошее. Кормят немного плоховато. Жидко. Наша рота помещается в двух вагонах. В одном – 1 и 3 взвод, а в другом 2-й взвод и командование – 38 человек. Очень много разговоров по поводу этой неравномерности. Наши два пулемета стоят на платформе, на треноге и с нашего вагона дежурство, а второй взвод на наряде. Политруку задавали по этому поводу вопросы.

---

¹³ Один из вариантов прозвищ БМ-13 - советской боевой машины реактивной артиллерии, более известной как «Катюша».

Хороший человек политрук, но очень нервный. Как-то он Лекареву рассказывал про своего друга Алексея Дунина. Как же он художественно рассказывает.

12 февраля. Проезжали Клин. Вокзал весь разрушен, но города не видели. Говорят, немцы похозяйничали здесь сильно.

Проезжали могилу трех лейтенантов. Лейтенанта Черемных и двух младших лейтенантов. Похоронены только позавчера...

В лесу на земле отпечаток, вроде, как лежал раненый, валяется обмотка с кровью, кисет из-под махорки и дальше пустой вещевой мешок. На могиле лежит каска.

Вообще, на всем пути видны следы немцев. Вокзалы разрушены, но много деревьев целых. На ст. Завидово видно, как шел бой за фабрику, стены в пробоинах. На одной из станций были видны убитые немцы – 8 чел. Проезжали разрушенный мост. Сколько труда нужно, чтобы его восстановить. Калинин проезжали ночью, поэтому его не видели. Но видно, как ходят трамваи.

Следом за нами едет эшелон, в котором автоматчик Кругликов, в этом же эшелоне танкетки малые, и легкие танки, и артиллерия противотанковая, броневики. И так едет вся дивизия. Иногда мы перегоняем, иногда отстаем от соседних эшелонов.

Написал домой открытку. Наше отделение внизу, и так, наверное, будем ехать всю дорогу. Внизу холодно, но командир взвода не обращает на это внимания.

13 февраля. Проехали утром ст. Спирово – это 252 км от Москвы. Опустил здесь открытку. Здесь же завтракали. Эта станция не была занята немцами.

Не доезжая одной станции до Бологое, остановились и простояли двое суток до 15 февраля. Было две учебных тревоги, а затем сообщили, что больше учебных тревог не будет, а будут только боевые. По тревоги обе двери вагона открываются, и пулеметы высовываются из дверей.

15 февраля. Неожиданно подвели паровоз, но не успели отъехать, как объявили тревогу. Несмотря на это, поехали дальше. Проехали немного вперед, а потом назад. Думали, что опять будем стоять, но через некоторое время двинулись. Остановились на станции Бологое-II. Говорят, наши войска под Ленинградом прорвали фронт противника. Также ходят неофициальные слухи, что Калининская область освобождена, но еще подтверждений нет.

Мы свернули влево от Ленинградской ж/д. На ст. Бологое-II простояли до 1 часа, а затем в 4 часа утра поезд пошел по направлению к Великим Лукам. В 7 час. остановились на станции Баталино, отъехав от Бологое километров 30. Через две остановки мы должны были высадиться, но неожиданно в 5 час. приказ – выгружаться.

Все снялись с места, кроме 1-го отделения, оставленного у пулемета. Все было на себе, дали еще лыжи и пулеметы потащили на себе. Было очень трудно идти, сразу мы устали и вспотели, хотя идти было недалеко. Хорошо, что отца не было с нами, как бы ему туго пришлось. Все продовольствие было у меня в противогазной сумке. Ужасно устал и очень хотелось пить. Вытащил кусок сахара и немного стало легче.

Остановились в дер. Рождество. Здесь был ужин с обедом и удалось помыться в бане: как хорошо после мытья. «Крабов» у меня пока нет, хотя в такой грязи, как была в вагоне, их завести плевое дело. Легли спать, спали очень хорошо.

18 февраля. Весь день отдыхали. Говорят, в 45 км. отсюда окружены 9 немецких дивизий. Мы туда и направились. Завтра с самого утра 40-километровый поход во всем боевом, с пулеметами. Вот когда придется трудно.

Мы находимся сейчас в избе у научного работника Сахарова. В избе тепло, хорошо. Пьем чай. Лучшего ничего не надо. Колбасу всю уже съел, так как боялся, что испортится, но сыр еще остался.

19 февраля. Рано утром начался наш марш. Чувствовал я себя неплохо, хотя всю ночь перед этим стоял в карауле и сменился только в 5 часов, а в 7 был сбор. Пулеметы были на повозке. Постепенно туда же сложили и вещевые мешки. Идти сперва было трудно. Винтовки все зарядили на 4 патрона.

Что за командир взвода у нас? Кричит, ругается как сумасшедший. Собирали в дороге агитаторов, в том числе и меня.

Немцы не так далеко отсюда находятся в окружении. Наша задача – уничтожить их. Возможно, придется ночевать в снегу. Порядок движения таков: 50 минут идем, 10 минут отдыхаем. Через 20 км отдых 2,5 часа. После 40 км – ночевка. Отдыхали в деревне. Подъехала кухня, и был завтрак в 3 часа дня. В 4 часа двинулись дальше, но не дошли 5 км до назначенного места – остановились. Здесь был обед и ужин сразу. В этот день прошли 35 км. Двинулись дальше с утра.

20 февраля. Прошли за этот день всего 20 км, так как долго ждали кухню. Поужинав в 12 час. ночи, сразу же двинулись дальше. До сих пор мы проходили деревни, не оккупированные немцами. Теперь же у озера Селигер начали попадаться разрушенные села. Шли всю ночь и до следующего дня.

21 февраля застало нас в боевом походе. Все очень устали, но, когда комбат спросил: «Отдыхать ли в снегу или пройти еще 7 км?» – все согласились идти дальше.

Эти 7 километров показались за 70, до того трудно было идти. Я еле-еле плелся, но все же обогнал колону и одним из первых вошел в деревню. За этот день прошли 35 км, до ночи отдыхали и в 10.15 двинулись снова. Прошли 20 км и остановились в полусожженной деревне¹⁴. Очень долго искали места, где остановиться и, наконец, кое-как отыскали для нашего отделения баню.

Помещение было непривлекательное, но, когда поднатопили и рассвело – лучше ничего и не надо. Когда топили, то дверь была открыта настежь, до того было дымно. Баня была «по-черному», без трубы. Затем дверь закрыли и стало очень жарко. Из старого Н.З. (неприкосновенный запас) сварили кашу и гороховый суп. Стало совсем замечательно.

Между прочим, мы уже находимся в Ленинградской области. Немцы сожгли в этой деревне 37 домов. Валяются сожженные немецкие машины. За деревней лежат убитые немцы.

Отдохнули здесь хорошо, но мало. В 6 часов двинулись в последний переход. До противника 20 км. Пулеметы все наготове, вещи на себе, чтобы не загромождать повозку. Но идти тяжело. Вещи постепенно опять сложили на повозку. Слышится приближение фронта и иногда пулеметная стрельба. Остановились в деревне, не доходя 4-5 км от фронта, как сказал командир роты. Спали очень тесно, буквально друг на друге. Ночью

---

¹⁴ Вероятно, речь идет и д. Мамоновщина.

меня разбудили и поставили часовым. Со стороны Радниченко это несправедливо, я только что был часовым.

Между прочим, никто нигде точно не знает, сколько до немцев. 140 км прошли, а его еще нет. Но говорят, прошли уже всё, теперь уже в бой. Так закончился 200-километровый¹⁵ марш нашего батальона – от станции Баталино через Калининскую область в Ленинградскую – на фронт.

---

¹⁵ В расстоянии, вероятно, ошибка.